

ИЗ ИСТОРИИ РЕКОНЬСКОЙ ПУСТЫНИ

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы истории Свято-Троицкой Реконьской пустыни — монастыря, довольно хорошо известного в прошлом веке, но сейчас совершенно забытого. Происшедшие за последнее десятилетие перемены в оценках событий и лиц позволили заострить внимание на темах, которые ранее историческая наука обходила стороной. В 1983 г. в сборнике «Памятники культуры. Новые открытия» было опубликовано исследование Л. Е. Красноречьева и Л. А. Секретарь по истории Реконьской пустыни — первая значительная работа по этой теме.¹ Но если в ней рассматривались история монастыря в основном до XIX в. и проблемы изучения и реставрации древней Троицкой церкви, то в данной статье большее внимание уделяется XIX—XX вв., двум главным событиям этого периода, а именно восстановлению монастыря в 1860 г. и грандиозному каменному строительству, развернувшемуся в 1870-е годы в Тихвинском уезде Новгородской губернии. В рамках рассмотрения этих вопросов большой интерес представляет неординарная и противоречивая фигура старца Амфилохия, стараниями которого и был возрожден монастырь, а также искусствоведческая оценка сохранившихся построек пустыни. Монастырь является одним из немногих примеров единого архитектурного ансамбля, что было не характерно для зодчества середины XIX в. и что делает Реконьскую пустынь уникальным памятником.

Время возникновения монастыря определить трудно. Легенды, записанные в конце прошлого столетия, относили его к XIII в., когда местные охотники нашли на гранитном валуне на берегу Реконьки икону Живоначальной Святой Троицы. В память чудесного явления образа здесь был устроен скит, где и поселились первые пустынники. Скорее всего, это произошло значительно позднее. Известный исследователь Тихвинского края И. П. Мордвинов относил время возникновения пустыни ко второй половине XVI в., когда вокруг Пречистенского погоста (будущий Тихвин) появились и другие обители — Троицкая Ругуйская, Антониево-Дымская и Спасо-Оскупская.² Самое раннее упоминание этой легенды встречается в описании пустыни 1859 г. В любопытных документах 1837 и 1857 гг. — прошении старца Амфилохия на Высочайшее имя и донесении тихвинского архимандрита, в которых, судя по содержанию, авторы должны были для аргументации использовать древнюю легенду, она не упоминается.³ В то же время достоверно известно, что буквально через три года, в 1860 г., предание о чудесном обретении иконы в глубокой древности стало широко распространяться. К сожалению, явленная икона Святой Троицы, время написания которой

¹ Красноречьев Л. Е., Секретарь Л. А. Троицкая церковь из Реконьского монастыря — памятник народного деревянного зодчества XVII века // Памятники культуры: Новые открытия. М., 1983.

² Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 89. Оп. 1. Д. 21.

³ Там же Ф. 132. Оп. 6. Д. 21. Л. 1; Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 107.

могло бы дать начало хронологии монастыря, скорее всего, не дошла до наших дней. Не сохранились и ее изображения. В рукописном описании пустыни 1859 г. автор говорит, что она «писана по левкасу дикими красками. Надписей особенных нет» и замечает в конце, что образ «имеет тип древности неприкосновенной».⁴ В уже печатном издании 1862 г. другой автор определил икону как «греческого письма», очень древнюю, и указал, что из трех ангелов изображение лишь одного осталось неповрежденным.⁵ В описях церковного имущества пустыни образ неизменно выделялся как особо чтимый. Так, в 1822 г. он назван «святым»,⁶ а в донесении тихвинского архимандрита Владимира (Кобылина) Новгородскому митрополиту в 1857 г. икона названа местночтимой чудотворной.⁷ Действительно, она была известна среди окрестных крестьян и почиталась ими и монахами пустыни как чудотворная. В многочисленных изданиях, выходявших в конце XIX—начале XX в. специально для паломников и богомольцев, посещавших Реконь, большое место обязательно уделялось описанию различных исцелений и других чудес, совершенных иконой. До восстановления монастыря в 1860 г. она находилась в горнем месте деревянной Троицкой церкви, а в 1877 г. была перенесена в новый каменный собор. Удалось ли спасти икону в начале 1930-х годов, когда последний действующий храм был закрыт, неизвестно.

О втором чтимом образе Реконьской пустыни — Знамения Пресвятой Богородицы — сведений еще меньше. Попала она к старцу Амфилохию в 1824 г. от одной из ближних помещик Тихвинского уезда; икона считалась у реконьских крестьян чудотворной после того, как молебен перед нею остановил падеж скота в деревнях. В 1860-е годы келейником старца Василием Константиновым был записан случай, когда в скиту «попущением божим разбойники зажгли старцево строение и вси кельи выгорели ... осталась часовня ничим же невидима покровом божие матери и чудотворном ее ради иконы Знамения». Упомянуты были келейником и «чудеса, что даже слепые прозревали. И всяких скорбях ... избавляла. И ныне помогает много по веры невидимую рукою во всех нуждах».⁸ Икона не сохранилась. Время написания ее, как считалось, — царствование Ивана IV, т. е. XVI в. Имела ли она отношение к древней истории Реконьской пустыни — неизвестно.

Есть несколько косвенных подтверждений существования монастыря по крайней мере в первой половине XVII в. В донесении тихвинского архимандрита Владимира в 1857 г. упоминается о Евангелии 1607 г., «устроенном» при патриархе Иове и весьма ветхом, как пишет архимандрит, по причине частого использования его причтом.⁹ Впоследствии оно было «отобрано» в ризницу Тихвинского Успенского монастыря. Второе Евангелие, 1631 г., — «осмеричное, в парчовой обложке, Евангелисты листовой меди»,¹⁰ написанное

⁴ Там же. Л. 3, 3 об.

⁵ Свято-Троицкая Реконьская пустынь / Сост. С... С... Петр И. СПб., 1862. С. 12.

⁶ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 6. Д. 15. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 17. Л. 108.

⁸ Там же. Д. 20. Л. 88 об, 89.

⁹ Там же. Д. 17. Л. 108.

¹⁰ Там же. Д. 15. Л. 1.

полуустановом, хранилось в каменном соборе. Принадлежали ли они Реконьской пустыни в годы их создания или попали туда позже — сейчас, конечно, не установить. Во всех описаниях монастыря неизменно отмечалось как очень древнее железное било, весом около трех пудов, в виде дуги с кольцом посередине, за которое оно крепилось при входе на паперть Троицкой церкви. Использовалось оно для звона, причем звук его, как писали, «хорошо гармонирует с двумя небольшими колоколами, подле него подвешенными».¹¹ Известно, что в XVI—XVII вв. колокола и била на Русском Севере соседствовали в церковном обиходе. В отличие от первых на билах не делались надписи с именами мастеров и датой изготовления. В метрике древней Троицкой церкви, составленной в 1887 г. по вопросу Императорской Археологической комиссии, отмечалось отсутствие каких-либо старинных предметов (реликвии, раки, облачения, синодики и т. д.) в храме. Однако в отчете Новгородского церковно-археологического общества за 1913 г. упомянуто получение из Рекони пяти древних священнических облачений и трех стихарей.

Отсутствие достоверных документальных свидетельств, подтверждающих возникновение Реконьской пустыни ранее XVII в., неслучайно и не может служить доказательством более позднего ее происхождения. В Смутное время Нагорное Обонежье (южная половина Обонежской пятины) подверглось опустошительным набегам шведских отрядов Делагарди. В 1617 г. шведские послы доносили королю Густаву Адольфу: «Вся местность от Тихвина до Устюжны представляет сплошной ряд ... грабительств, деревни выжжены, все омертвело».¹² В огне гибли и иноческие обители, казалось бы, недоступные для отрядов наемников в глухих лесах. По-видимому, через такое испытание прошла и Реконьская пустынь.

Самый ранний из сохранившихся письменных источников — монастырская опись 1686 г. — называет 14 октября 1672 г. как дату построения Троицкой церкви. До революции в ней хранился большой закладной крест из липового дерева (дальнейшая его судьба неизвестна) с надписью, из которой явствовало, что церковь была освящена 3 октября 1676 г. «при благоверном царе и великом князе Алексее Михайловиче всеи России ... и при Святейшем Питириме Митрополите великаго Новаграда и Великих Лук».¹³ Надпись называла и строителя пустыни — старца Арсения. Анализ этих последних слов приводит к заключению, что освящение церкви происходило тогда, когда в Рекони монастырь, скорее всего, уже был, пусть и очень небольшой, и, вероятно, находившийся в упадке. Об этом говорит слово «строитель» — т. е. иеромонах, настоятель, возобновляющий строения в обители (такой же смысл имело слово и в монастырской жизни XIX в.). Таким образом, на основании анализа этой надписи и ранее перечисленных косвенных свидетельств можно предположить, что Реконьская пустынь была основана в XVI—первой половине XVII в., как и указывал И. П. Мордвинов.

¹¹ Там же. Д. 21. Л. 3 об.

¹² Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Тихвин, 1925. С. 26; цит. по: ЖМНП. 1869. Т. 11.

¹³ Свято-Троицкая Реконьская пустынь. С. 14.

Единственным памятником древней истории монастыря является деревянная Троицкая церковь, которая простояла в пустыни свыше 300 лет и дошла до нашего времени. Она представляет собой небольшой (высота с крестом 12,5 м, длина 11,7 м) храм клетского типа, одноглавый, с папертью с запада и с квадратным в плане алтарем с востока. Церковь рублена в обло с остатком. За три века своего существования она претерпела не одну перестройку. По описи 1686 г., церковь стояла нижними венцами непосредственно на земле и имела только два сруба — центральный, который в то время служил папертью, и алтарный, в котором находился, по всей видимости, миниатюрный иконостас. С запада к храму было пристроено крыльцо-звонница. По описи 1748 г., «на оной церкви глава обита чешуею, и на главе крест деревяной, а оная церковь и олтарь крыты тесом ... на церковном крыльце три колокольчика медных малых». ¹⁴ Между 1846 и 1859 гг. к храму был пристроен третий сруб, ставший папертью. Первоначальная архитектура церкви, когда папертью служил центральный, больший по объему сруб, а служба шла в маленьком помещении, ставшим впоследствии алтарем, — редчайший случай в храмовом зодчестве, что делает Троицкую церковь уникальным памятником. В 1846 г. был подведен фундамент из булыжного камня, а в 1860-е годы церковь была обшита тесом. В конце XIX в. храм подвергся еще целому ряду переделок — было прорублено новое окно в алтаре, сделаны две главки над папертью и алтарем. ¹⁵ В 1979 г. церковь была переправлена в Новгородский музей деревянного зодчества — Витославицы, что, безусловно, спасло ее от гибели в заброшенном к этому времени монастыре.

С 1680-х годов история Реконьской пустыни прослеживается по документам довольно отчетливо. Царем Алексеем Михайловичем «по чудесам иконы Троицы Живоначальной» пустынь была пожалована 1800 десятинами земли. Грамотой Новгородского митрополита Корнилия от 21 ноября 1685 г. Реконьская пустынь вместе с принадлежащими к ней 13 крестьянами и двумя четвертями земли поступила в ведение Тихвинского Успенского монастыря и значилась в приписных до штатов 1764 г., когда была упразднена вместе с сотнями других малых обителей России. На протяжении этого периода в Рекони обновлялись лишь кельи и хозяйственные постройки. Пустынь была небогатой, по описи 1686 г., кроме Троицкой церкви, в ней значились: «две кельи да конюшеи коровеи двор ... ограда ... забрана в столбцы, двои ворота, одни святые воротцы покрыты тесом, другие простые». ¹⁶ Спустя полвека, к 1748 г., внешне в пустыни мало что изменилось, хотя, судя по описи, постройки были обновлены: «келия строителская деревяная ... ограда деревянная, рубленая пряслами, в ней святые ворота, а в тех вратах построен анбарец небольшой хлебный ... за монастырем двор скотницкой, на нем ... келия деревянная с сенми ветхая о пяти окнах». ¹⁷ В 1722 г. при настоятеле Иоасафе Реконьская пустынь как монастырь малобратственный была переведена в приходскую церковь, однако благодаря

¹⁴ Красноречьев Л. Е., Секретарь Л. А. Троицкая церковь... С. 486.

¹⁵ ИИМК РАН. РИИ. № 4183.

¹⁶ Красноречьев Л. Е., Секретарь Л. А. Троицкая церковь... С. 483.

¹⁷ Там же. С. 483—484.

Андрей Иванович Шапошников, в схиме отец Амфилохий.
С гравюры середины XIX в.

стараниям Иоасафа статус приписного монастыря был восстановлен. В 1740-е годы пустынь настолько обеднела, что Тихвинский монастырь, которому опять было предложено взять ее в приписку, ознакомившись с положением дел, отказался. Церковь не приносила никакого дохода. Уже тогда в храме прекратилось регулярное богослужение. Однако формально монастырь обязан был присматривать за церковью. К моменту упразднения в 1764 г. пустынь пришла в полный упадок — в переписных книгах 1768 г. священник пустыни и дьячок, составлявшие опись имущества, отметили: «... все сие строение самое ветхое».¹⁸

¹⁸ Там же. С. 484.

После упразднения Реконьская пустынь была обращена в приходскую церковь, служба в которой совершалась редко — только в большие праздники монахами из Тихвина или священниками ближних приходов. В 1802 г. пустынь была приписана к Михайловской церкви находившегося под Тихвином Озерского погоста. В 1818 г. по указу Святейшего Синода пустынь было предписано принять «в ведомство Тихвинского Большого монастыря Архимандриту Самуилу и иметь в оной пятью монахами всегдашнее служение».¹⁹ Для просмотра за ветшавшей церквушкой был определен сторож. В 1830 г. пустынь в очередной раз была приписана к церкви села Никольского (Заручевье).

Кто знает, как сложилась бы судьба Реконьской пустыни, если бы в 1812 г. в Тихвин не пришел человек, сыгравший впоследствии в ее истории огромную роль. Можно предположить, что ни видом, ни одеждой не отличался он от тысяч таких же богомольцев и странников, что ходили по монастырям и святым местам. Звали его Андреем Ивановичем Шапошниковым. Следует сразу сказать, что ни во время скитаний в Тихвинском уезде, ни позже, когда он стал известен даже в Петербурге, Шапошников никому не рассказывал подробно о своем происхождении и годах, прожитых до прихода в Реконь. Известно лишь, что родом он был из Риги, латыш или финн (это замечалось знавшими старца по выговору). Отец его, служа при лютеранской кирхе, готовил сына к духовному званию. Однако после встреч и бесед с русскими священниками он перешел в православие и убежал из дому. Считалось, что при крещении он взял имя, отчество и фамилию своего воспитанника. Так ли это — неизвестно. Проводившееся в Тихвине в 1839 г. дознание установило личность настоящего обладателя этого имени — крестьянина деревни Стригина Псковского уезда, к старцу никакого отношения не имевшего. В некоторых поздних источниках авторы, отмечая образованность и знание им военной службы, считали Шапошникова дворянином, удалившимся от мира в 1812 г., когда во время войны легче было приобрести паспорт. В архивных документах сохранилось несколько автографов Шапошникова, которые хотя и подтверждают его грамотность, однако свидетельствуют против версии о его дворянском происхождении.

Неизвестен и год рождения Шапошникова. В различных описаниях Реконьской пустыни говорится, что старец пришел в 1812 г. в Тихвин будучи уже в возрасте 70 лет. Тихвинский же архимандрит Владимир, посетивший Реконь в 1855 г., замечал: «...теперь ему около 90 лет».²⁰ Единственное собственноручное упоминание старцем своего возраста встречается в прошении императору Александру II, отправленном из монастыря в ноябре 1855 г., в котором Шапошников писал о себе: «...находясь в преклонных летах около 85 лет».²¹ Таким образом, основываясь на этих документах, наиболее вероятным временем его рождения следует считать 60-е или начало 70-х годов XVIII в. Однако на склоне жизни в беседах с друзьями старец не раз указывал на более ранние годы своего рождения, и поэтому

¹⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 6. Д. 17. Л. 13 об.

²⁰ Там же. Л. 105 об.

²¹ Там же. Д. 16. Л. 22 об.

после его кончины в 1865 г. на плите над могилой старца было начертано: «...от роду ему было более 120 лет».²²

По рассказам самого Шапошникова, после ухода из родительского дома ему приходилось крестьянствовать, торговать, батрачить. Последние же годы он ходил по монастырям, побывал даже на Афоне. В самом начале 1810-х годов он появился в Тихвинском уезде в Спасо-Оскупской пустыни, где жил вместе с отшельником Емельяном. В Тихвине, куда он пришел в 1812 г., ему посоветовали посетить полузаброшенную Реконьскую пустынь в 40 верстах от города. Шапошникову понравилось уединенное место на берегу реки, и он решил здесь остаться. Рядом с церковью жил пономарь Михаил Захаров, исполнявший обязанности сторожа. Поначалу Шапошников поселился у него, помогал по хозяйству, большую же часть времени проводил в храме. В 1813 г. полиция, не найдя у него документов, обвинила его в бродяжничестве и посадила в Тихвинский острог. После 9 месяцев заключения Шапошников получил Высочайшее прошение и дозволение жить при Реконьской церкви сторожем. Скорее всего, это был ответ на первое прошение его к императору Алесандру Павловичу. В архивах оно не найдено, но упоминается в других, более поздних документах.

Вернувшегося в пустынь Шапошникова ждал негостеприимный прием. Пономарь, боясь наказания за укрывательство беспаспортного, не позволил поселиться в своем доме, а потом и вовсе прогнал Шапошникова. Тогда крестьяне деревни Заозерье устроили ему на сопке, в нескольких верстах от церкви, землянку. В 1816 г., после смерти пономаря, Шапошников перебрался опять в пустынь, теперь уже надолго. Тогда же он был определен указом Новгородского митрополита Амвросия «на вечное при той пустыни жительство».²³ Собственных прихожан у Троицкой церкви не было, но в престольный праздник и в Покров собиралось довольно много богомольцев, причем не только жителей ближайших к пустыни сел, но и пришедших издалека. Поэтому Шапошников подремонтировал церковь и срубил новый большой дом на противоположном берегу. Именно в эти годы, живя сначала в землянке, потом при церкви, старец снискал среди окрестных крестьян славу подвижника и пустынножителя. Ходил он в жалком рубище, босой, питался очень скудно, подолгу молился. Один из его ближайших духовных друзей иеромонах Тихвинского Успенского монастыря Мартирий²⁴ предложил Шапошникову тайно постричься. 26 августа 1822 г. его облекли в иноческий чин с малым пострижением и переименованием в Андриана, спустя 9 лет, в ноябре 1831 г., он был облечен в схиму и наречен Амфилохием.

По-видимому, в начале 1820-х годов Шапошникову пришла в голову мысль восстановить бывший когда-то в Рекони монастырь. Этому предшествовали следующие события. В 1815 г. пономарь Ре-

²² Великий князь Николай Михайлович // Русский провинциальный некрополь. М., 1914. С. 27.

²³ Описание Свято-Троицкой Реконьской пустыни / Сост. Н. С. Изд. 2-е. СПб., 1872. С. 19.

²⁴ Известен также под именем Петр из Грузин, интересная личность. по некоторым данным, происходил из царского грузинского рода, «образной» иеромонах (т. е. иконописец) Тихвинского Успенского монастыря, впоследствии настоятель Филиппо-Ирапской пустыни.

коньской пустыни Михаил Захаров обратился в Тихвинское Духовное правление с просьбой предоставить лес для постройки колокольни из принадлежавшей пустыни лесной дачи. Однако, по заявлению новгородского обер-фортмейстера, приглашенного консисторией наблюдать за порубкой, совершенно неожиданно выяснилось, что 1837 десятин земли, пожалованных Реконьской пустыни еще Алексеем Михайловичем и подтвержденных документами Генерального межевания, проводившегося в 1783 г., относятся к Казенному ведомству. Вследствие этого недоразумения в 1818 г. в Тихвинском уездном суде было возбуждено дело о фактической принадлежности земли. Гражданские власти настаивали на том, что после упразднения монастыря в 1764 г. Реконьской церкви, как приходской, полагалось только 36 десятин. Но так как Генеральное межевание не перевело в свое время в Казну 1837 десятин, то это дало возможность Духовному ведомству оспаривать действия новгородской Казенной палаты. Дело осложнилось продажей в августе 1821 г. монастырских земель в частное владение некоему капитан-командиру Митькову. Воспользовавшись явным произволом губернских властей, которые не дождалась решения суда, Шапошников потребовал не только вернуть пустыни землю, но и восстановить в Рекони монастырь.

Пройдя все уездные, а потом губернские присутственные места, Шапошников подал прошение в Святейший Синод. При рассмотрении оно было поддержано митрополитом Новгородским и Петербургским Серафимом, который предложил министру духовных дел князю А. Н. Голицыну оставить спорную землю за Реконьской пустыню. Однако 27 марта 1822 г. Тихвинский уездный суд вынес решение выделить пустыни лишь 36 десятин удобной (пахотная и сенокос) земли и дозволил пользоваться казенной «с предоставлением священнослужителям ... права иметь въезд в эту дачу для рубки дров и нужного на поправку и на постройку леса, но отнюдь не на продажу».²⁵ Это не могло удовлетворить Духовное ведомство. Особым решением князя А. Н. Голицына Шапошникову было «предоставлено ... достигать ходатайства о возвращении земель Реконьской пустыни для ее восстановления».²⁶ Ободренный столь высокой поддержкой, старец снова стал ходить по судам, что не устраивало уже местные власти, которые посадили его во второй раз в Тихвинский острог, и опять как бродягу.

В 1837 г. Тихвинский уездный суд закрепил спорную землю за наследниками Митькова и утвердил покупку еще одной части монастырской лесной дачи купцом Скрыбиным. В ответ на это Шапошников написал новое прошение на Высочайшее имя о восстановлении монастыря в Рекони с обстоятельным изложением судебной тяжбы. Неугомонный характер старца настроил против него губернские власти, которые решили окончательно удалить Шапошникова из уезда, возбудив в очередной раз дело о бродяжничестве. 23 декабря 1839 г. Новгородская Палата уголовного суда постановила: «о проживавшем у упраздненной пустыни под видом странника бродяге, называющегося ложно Андреем Ивановым Шапошниковым ...

²⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 6. Д. 16. Л. 5 об.

²⁶ Там же. Л. 21 об.

сослать как бродягу в Сибирь».²⁷ Однако содержание прошения с подробным изложением всех злоключений старца стало известно обер-прокурору Святейшего Синода Н. А. Протасову, который, изучив досконально дело, ходатайствовал за Шапошникова перед императором Николаем I. В феврале 1840 г. «Его Императорское Величество, снисходя на прошение старца ... указал согласно желанию его оставить жить при Реконьской пустыни».²⁸ Предписанием Новгородской консистории от 14 октября 1841 г. Шапошникова было велено считать принадлежащим к Духовному ведомству.

Казалось бы, подобные испытания должны были охладить самого настойчивого. Однако лишения, тюрьма и унижения не поколебали его решимости восстановить монастырь. В 1843 г. по многочисленным прошениям Шапошникова в Правительствующий Сенат дело о земле Реконьской пустыни был дан дальнейший законный ход. Решением Тихвинского уездного суда от 27 сентября 1850 г. было предписано землю, отрезанную в Казенное ведомство, возвратить пустыни. Однако Новгородская Палата гражданского суда отменила это постановление, так как «владение столь обширную дачею несообразно с законом о межевании, на основании которого для церкви положено только 33 десятины».²⁹ В ответ на это Шапошниковым была подана апелляция жалоба сначала в Новгороде, а затем, в 1854 г., в Петербурге — в Сенат. В ноябре 1855 г. старец написал уже третье прошение на Высочайшее имя — императору Александру II. В феврале 1856 г. дело в присутствии Шапошникова слушалось в Сенате. Судебная тяжба о земле упраздненной, доселе никому не известной пустыни, привлекла внимание в столице. Старец Амфилохий (постепенно его стали называть все чаще иноческим именем) нашел неожиданно сильную поддержку в лице известной благотворительницы Т. Б. Потемкиной, которая сначала через великую княгиню Марию Николаевну, а затем лично ознакомила императрицу Марию Александровну с историей Шапошникова. Благодаря участию Т. Б. Потемкиной к делу были привлечены помощник обер-прокурора Святейшего Синода А. И. Карасевский, сенатор А. Ф. Львов и другие влиятельные лица. В конце 1856 г. Т. Б. Потемкина ходатайствовала за Реконьскую пустынь перед Петербургским митрополитом Григорием (Постниковым), который благословил хлопоты по восстановлению монастыря. Тогда же с судебной тяжбой был ознакомлен через императрицу Александр II. Существенно помог старцу иеродиакон Троице-Сергиевой Лавры Григорий (Шумилов), полувивший в Москве от митрополита Филарета благословение на дальнейшую деятельность Амфилохия, что сыграло свою роль благодаря высокому авторитету московского иерарха. Многочисленные же поездки иеродиакона в Москву, Реконь и Петербург кончились для него печально. Вместо совместного поселения с Шапошниковым в пустыни, о чем он также ходатайствовал, иеродиакон был указом Святейшего Синода «водворен» в свой родной монастырь. Хлопоты же его и многочисленных сторонников старца Амфилохия не пропали даром: 17 апреля 1856 г. Святейшим

²⁷ Там же. Д. 17. Л. 1—1 об.

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ Там же. Д. 18. Л. 7.

Синодом была принята резолюция, предписывающая «Новгородскому Епархиальному начальству принять все меры для успешного решения дела о Реконьской земле».³⁰ Шапошников приезжал в столицу еще несколько раз. В 1857 г. он обратился с прошением к министру юстиции В. Н. Панину, присутствовал неоднократно на слушании дела в Сенате. Несмотря на все трудности, он не падал духом. В эти годы тихвинский архимандрит Владимир писал о старце: «... он бодр и крепок ... разговорчив, даже весел, не высказывает ни излишней набожности, ни ханжества, ведет себя открыто и просто ... Единственное его желание — восстановить монастырь».³¹

В 1857 г. дело о возвращении лесных дач и земельных угодий Реконьской пустыни близилось к завершению в высших инстанциях Петербурга. Из Правительствующего Сената оно поступило в Государственный Совет. Решающее мнение было высказано министром юстиции В. Н. Паниным, предложившим спорную землю признать собственностью Духовного ведомства, но так как это вступало в противоречие с законными правами нового частного владельца — выплатить Духовному ведомству денежную компенсацию, равную по стоимости утраченной земле. 20 октября 1858 г. это решение, признанное Государственным Советом, было Высочайше утверждено.

В январе 1860 г. тихвинскому архимандриту стало известно о скором положительном решении и второй тяжбы старца Амфилохия — о восстановлении в Рекони самостоятельного монастыря. Капитал, полученный пустыней от Казначейства — а с набравшими за несколько десятилетий процентами он составлял 42 тыс. 856 руб. — давал возможность не только обустроить возрожденную обитель, возвести новые кельи и храм, но и обеспечить ее дальнейшее существование. На эти цели было решено выделить 17 тыс., а остальную сумму положить под проценты в банк. 20 января 1860 г. архимандрит Владимир получил из Тихвинского Духовного правления указание предоставить в кратчайшие сроки свои соображения относительно устройства монастыря в Рекони. Отправившись в пустынь, он вместе с протоиереем Тихвинского собора Медведским и старцем Амфилохием составил подробный отчет. Естественно, что главным автором этого обширнейшего донесения был старец, проживший в Рекони более 40 лет и знавший досконально всю округу. Он указал, что из требуемого для ризницы имеется в церкви, и есть ли надежды на пожертвования новой ризничной утвари, и сплавная ли река, и какие почвы, и какие можно устроить огороды, и можно ли сделать печи для обжига кирпича, и кто из окрестных помещиков может помочь, и многое другое. По советам старца было решено возобновлять монастырь на правом, более высоком берегу Реконьки, а Троицкую церковь на левом берегу сделать кладбищенской. Число монашествующих и послушников в первое время должно было быть от 10 до 15 человек, «начинать постройку малыми средствами ... а потом по попечительности настоятелей и усердию боголюбивых людей уже расширять хозяйство и благолепие монас-

³⁰ Там же. Л. 22.

³¹ Там же. Д. 17. Л. 105 об.

тыря».³² Любопытно, что той же зимой Новгородская консистория, одобренная успехом, который имел старец в Петербурге, сама предложила ему ходатайствовать теперь уже о даровании пустыни земли и леса, достаточных для ведения хозяйства, так как 36 десятин пашни и сенокоса для монастыря явно не хватало.

13 января 1860 г. «...Государь Высочайше утвердил ... восстановление Свято-Троицкой Реконьской пустыни в Тихвинском уезде Новгородской епархии с учреждением в оной заштатного общежительного монастыря».³³ Событие это многими воспринималось как чудо — стараниями одного человека, старого и больного, был возрожден к жизни забытый, казалось навсегда, монастырь. Сорок лет тянулась судебная тяжба, на троне сменилось три императора, а старец все ходил по судам, ездил в столицу и губернию, пока, наконец, не довел дело до конца.

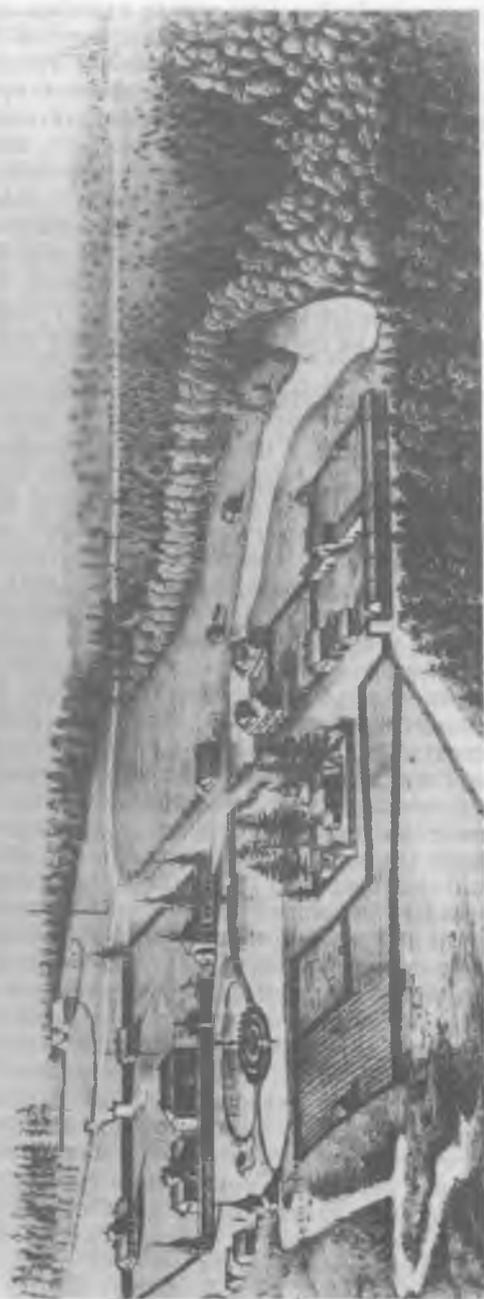
Настоятелем восстановленной пустыни был назначен заведовавший Валаамской часовней в Петербурге иеромонах Даниил, имевший хороший опыт в хозяйственной деятельности, что требовалось в первую очередь для возрождаемого монастыря. Новый настоятель привез с собой монаха и двух послушников с Валаама, икону преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев, которой благословил братию знаменитый игумен Дамаскин, и его же послание. В Рекони утверждался Валаамский устав, известный в России как самый суровый, запрещающий в и без того строгой монашеской жизни очень многое — самовольный уход в лес, вечернее общение, посещение келий мирскими людьми. Устав возводил в высочайшую степень третью заповедь монаха — послушание, предписывая ежедневный и беспрекословный труд на благо обители. Судя по сохранившимся документам, отражавшим повседневную жизнь пустыни, отец Даниил был незаурядным, сильным человеком, и его строгий, а иногда и крутой характер сыграл важнейшую роль в быстром восстановлении монастыря. Вот что писал о нем в 1863 г. соседний помещик: «Управление монастырем ... стоит игумену много терпения, силы и труда, и здоровья, и несмотря на все его „валаамские“ странности, выбор его был правильным ... Игумен неумолим ... и предохраняет братию от соблазна».³⁴

Открытие пустыни было торжественно отпраздновано 21 мая 1860 г. Уже 26 мая Новгородская Строительная комиссия уведомила консисторию о поручении составления чертежей новых зданий, плана местности и сметы архитектору помощнику Хмырову. К концу июля проект был готов, и 26 июля отец Даниил просил благословения у тихвинского архимандрита на закладку храма. Через 6 месяцев, 8 января 1861 г., новая церковь была освящена во имя святых преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев. Построенная церковь представляла из себя одноглавый, с колокольной над трапезной, храм. Под трапезную был использован дом, срубленный еще Шапошниковым в 1857 г. Кроме церкви, на правом берегу реки были сооружены настоятельские и братские кельи. На левом берегу, наискосок от Троицкой церкви, были построены двухэтаж-

³² Там же. Л. 163.

³³ Там же. Д. 17. Л. 161.

³⁴ Там же. Д. 12. Л. 7—7 об.

Вид монастыря в конце 60-х годов XIX в.
С гравюры по рис. И. Первухина.

ный полукаменный странноприимный дом, корпус для рабочих, кузница, деревянный в кирпичных столбах скотный двор, сарай, конюшни и другие хозяйственные строения. В середине 1860-х годов насельники соорудили за излучиной Реконьки водяную мельницу «о двух поставах», прорубили несколько просек, расширили и улучшили настланными по болоту бревенчатыми гатями дорогу на Новгород. Последнее было крайне важно — еще в 1857 г. архимандрит Владимир писал: «...сообщение с пустыней идет по узкой лесной тропинке ...для моего проезда в санях с одной лошадейю необходимо было прорубать дорогу».³⁵ А через топи связь с монастырем весной и осенью становилась вообще невозможной. В 1862 г. на камне, где когда-то была найдена (как считалось) икона, выбили надпись: «Предание говорит, что шесть сот лет тому назат как обретена на сем камне икона святыя Троицы Божия что в церкви за правым клиросом. 1862».

Между тем в Петербурге, в Святейшем Синоде и в Министерстве Государственных имуществ, решалось дело о наделении Реконьской пустыни угодьями. В марте 1860 г. Новгородской Палате было предложено «войти в соображение: из каких по близости и удобству казенных имений могут быть назначены в надел означенному монастырю угодья».³⁶ Спустя ровно пять лет, в марте 1865 г., пустыни были отведены 120 десятин из Рудногорской лесной дачи. Главная роль в благополучном исходе этого дела принадлежала настоятелю — отцу Даниилу, так как Шапошников из-за своих преклонных лет ездить в столицу и хлопотать уже не мог.

Через некоторое время после торжеств восстановления монастыря старец неожиданно отошел от всех дел. Вероятно, причинами этого были возраст, дававший себя знать, и неожиданные разногласия с настоятелем. Отец Даниил был назначен вопреки желанию старца, предлагавшего поставить во главе Реконьской пустыни хорошо ему известного строителя Антониево-Дымского монастыря иеромонаха Иоанна. Как вспоминали очевидцы, в первый приезд отца Даниила в Реконь Шапошников демонстративно не вышел навстречу новому настоятелю и принял его, сидя в своем жилище. В свою очередь, с неутомимой деятельностью старца и после восстановления пустыни никак не мог примириться отец Даниил, принимавший только единоначалие в монастырской иерархии и не потерпевший бы никакого вмешательства в свои распоряжения. Его вполне устраивала слава Амфилохия как пустынножителя и отшельника, но и только. Поэтому трения между двумя, безусловно, сильными личностями должны были возникнуть. Чтобы избежать их, Шапошников ушел из монастыря и в трех верстах от него на сопке сделал себе сначала землянку, а потом с помощью монахов из пустыни срубил келью. Сюда он перенес древнюю икону Знамения, которую очень почитал и называл охранительной. Уход в скит принес еще большую известность старцу. Приходившие в Реконь сразу после поклонения чудотворной иконе спешили к Амфилохию — спросить совета, поведать о своих бедах, помолиться.

³⁵ Там же. Д. 17. Л. 106.

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 663. Л. 1 об.

Фактически отлученный от милой его сердцу Реконьской обители Шапошников загорелся устроить в скиту Знаменский женский монастырь. Для этого он купил в окрестностях скита 5 десятин земли у помещика Владимирова, нанял рабочих для строительства двух новых изб и ограды. Но и здесь он встретил противодействие. Крайне разгневанный отец Даниил, у которого Амфилохий не захотел получить даже благословение на это, не рискнул все же идти на открытый конфликт со старцем, само существование которого приносило монастырю доход. Он обратился к благочинному пустыни в Тихвин. Архимандрит поддержал настоятеля, побывал в скиту, после чего дальнейшее строительство было запрещено, а Шапошникову указано либо вернуться в монастырь, либо оставаться в скиту, но не более чем с одним послушником. Формально архимандрит Владимир был прав: схимонах, а именно им был Амфилохий после тайного пострижения и многих лет жизни отшельником, не имел права ни приобретать недвижимое имущество, ни делать духовное завешание. Оно было написано Шапошниковым в апреле 1862 г. как последнее средство «продлить и упрочить существование устроенного скита». В завещании старец определил Устав, по которому в скиту должна была идти служба и послушания схимниц, а также дал последнее свое наставление: «Приходящих богомольцев ... всех без исключения и во всякое время принимать ... исполнять все благочестивые их желания, питать безвозмездно».³⁷ В завещании Шапошников предложил и оригинальное решение обеспечения нового монастыря средствами — взыскать с настоятеля Реконьской пустыни 2 тыс. руб. в счет потраченных когда-то Амфилохием собственных денег на восстановление пустыни и строительство в ней двух домов. Кроме того, свое личное имущество старец отказал священнику Полевичского погоста. Воистину слаб человек — вместо христианского смирения Шапошников проявил черты характера отнюдь не иноческие. Любопытно и другое: старец не только «возроптал», в завещании он назвал себя мирянином. Что это — обман, который длился более сорока лет, или так далеко зашедший конфликт с настоятелем? И ради того, чтобы досадить отцу Даниилу, Шапошников готов был пойти на клятвopеступление?

Полностью лишенный какой-либо возможности найти применение своей деятельной натуре, Амфилохий ушел 20 июля из скита еще дальше — в самые недоступные места реконьских лесов. На ручье Березне, в 15 верстах от монастыря («Горобок на Реконьке» — так иначе называлось это урочище), он устроил себе последнюю келью. Послушники, присланные настоятелем помогать старцу, часто искали его в лесу, куда он уходил для молитвы. Несколько раз Амфилохий добирался до пустыни и своего первого скита. 22 января 1864 г. он пришел в скит на освящение церкви Тихона Задонского, которую начали строить там в 1863 г. Летом 1865 г. силы старца стали совсем иссякать, он слег и больше уже не вставал. 9 августа старец Амфилохий скончался. Прах его был перенесен в монастырь и захоронен рядом с Троицкой церковью. В день погребения над могилой заложили часовню. Место последнего упокоения старца стало особо почитаемым паломниками. На могильную плиту были положены тя-

³⁷ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 6. Д. 17. Л. 183 об.

желые железные вериги, которые носил старец, железная цепь, которой он опоясывался, и железный обруч, одевавшийся им на голову. По обычаю, богомольцы, надев их на себя и поцеловав, могли помянуть старца. В 1987 г. жительницы деревни Зобище, ближайшей к монастырю, рассказывали автору этих строк о «железной шапке» и цепях, которые они надевали, посещая в детстве пустынь. В 1868 г. крестьянин Петр Леонтьев совместно с другими почитателями старца Амфилохия устроил вблизи от Мелигижского погоста (в 35 верстах от Рекони) Архангельскую пустынь с часовней и приютом. Пустынь была устроена самовольно, без разрешения церковных властей, и скоро закрыта.

Личность Андрея Ивановича Шапошника, безусловно, замечательная. Неслучаен и интерес к нему во второй половине XIX в. В книгах и статьях, посвященных истории и возрождению Реконьской пустыни, главное место неизменно уделялось личности и делам старца. При анализе этих сочинений следует, естественно, учитывать не только социальный заказ, но и прямую заинтересованность некоторых авторов в апологетике старца. Таковы, например, книги, написанные Иоасафом, иеромонахом Реконьской пустыни: «Описание Свято-Троицкой пустыни и очерк жизни странника А. И. Шапошника, в схиме отца Амфилохия» (СПб., шесть изданий: 1870, 1872, 1880, 1884, 1886, 1891 гг.; «Местные предания о Троице-Реконьском подвижнике схимонахе о. Амфилохие». СПб., 1876). Другое примечательное сочинение было издано келейником старца Варлаамом Руслинским: «Описание жизни старца Реконьской пустыни схимонаха О. Амфилохия» (Пг., 1915). Таковы же и сочинения, являющиеся типично житийной литературой, автора-анонима С... С... Петр И... («Свято-Троицкая Реконьская пустынь». СПб., 1862) и Е. Тихановой («Свято-Троицкая Реконьская пустынь и восстановитель ее схимонах о. Амфилохий». СПб., 1901). В отличие от вышеперечисленных книг, а также подобных им статей в журналах «Домашняя беседа», «Новгородские епархиальные ведомости», «Православное обозрение», «Странник» и других очерк известного церковного публициста Е. Поселянина в сборнике «Русские подвижники 19 века» (СПб., 1901) привлекает отсутствием приторности в описании образа старца, простым и безыскусным рассказом. Наличие, с одной стороны, подобной житийной литературы, а с другой стороны — архивных источников, показывающих без прикрас личность Шапошника, дает возможность сопоставить подлинные факты и их интерпретацию. Сравнение это можно сделать по трем «подвигам», совершенным старцем: пустынножительство, подвижничество и старчество.

В перечисленной литературе подробно и с умилением рассказано о жизни Амфилохия в Рекони: о долгих скитаниях на болотах, окружающих пустынь, о лишениях, которые он ради умерщвления плоти добровольно испытывал, о самоистязаниях, доходивших до пределов человеческих возможностей, о долгих, многочасовых молитвах на снегу и т. п. Ни в одном из архивных документов нет подтверждений этого, но отсутствуют и опровержения или сомнения, выраженные кем-либо из современников. Большое место в вышеупомянутой литературе уделяется дару прозорливости, который был дан старцу как истинному пустынножителю. Он предупредил крестьян о пожарах, неурожаях, болезнях. Амфилохий всегда

знал, кто идет к нему, и поэтому встречал гостя, всякий раз удивляя пришедшего приемом. Большая часть подобных рассказов — устные предания, добросовестно записанные авторами сочинений, но есть и некоторые факты, зафиксированные документально. В 1905 г. настоятель Реконьской пустыни Иннокентий проводил проверку записанных когда-то предсказаний Амфилохия относительно будущности монастыря. Все из них оказались сбывшимися. Любопытно, что еще недавно старожилы этих мест помнили и пересказывали слышанные от прадедов удивительные предсказания старца. Некоторые из них были записаны автором в 1987 г.

Второй подвиг, подвижничества, действительно был совершен Шапошниковым, и возрожденный монастырь говорил об этом лучше любой литературы. В ней вся деятельность старца была объявлена возможной только благодаря покровительству святых угодников, да и сама мысль восстановить Реконьскую пустынь была якобы внушена ему во сне преподобным Александром Свирским, обязавшим Шапошникова ходатайствовать перед властями за «неправедно отнятую» землю. Естественно, что успешное окончание дела было объявлено чудом, совершенным по молитвам старца.

И, наконец, старчество. Суровые испытания, выпавшие на долю Шапошникова в скитаниях, встречи и общение с самыми разными людьми, опыт, приобретенный во время тяжбы с Казной, сделали его знатоком человеческой души, дали ему право судить. Подобно знаменитым старцам Оптиной пустыни отец Амфилохий притягивал к себе многих нуждавшихся в совете и утешении. Праведной жизнью в лесах и неутомимой работой по восстановлению монастыря он привлек к себе внимание не только в Тихвинском уезде, к нему приезжали из Новгорода, Петербурга, Москвы. Большое место в литературе о Реконьской пустыни занимают описания приемов в скиту, куда приходили «знатные и низкие, старые и юные ... миряне и иноки». В общении со всеми он был «доступен, ласков, всегда со светлым лицом».³⁸ Каждый находил у него то, за чем шел долгие версты через леса, за чем приходилось с трудом отыскивать старца в самых недоступных местах бескрайних болот: драгоценный совет, благословение или наставление. Можно предположить, что рассказы о приемах в скиту, подобных тем, что описал Достоевский в «Братьях Карамазовых», реальны, так как Амфилохий пользовался действительно большим авторитетом в округе, что подтверждается архивными документами.

Старчество Амфилохия дает возможность, как нам кажется, связать его судьбу с жизнью другого старца — иеромонаха Оптиной пустыни Леонида (Наголкина). Когда встал вопрос о выборе настоятеля в Рекони, Шапошниковым было подано прошение обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому, в котором он писал: «По ревности моей к обители ... с 1817 года я осмелился беспокоить ... просьбою о назначении в оную настоятеля ... иеромонаха Введенской Оптиной пустыни отца Леонида».³⁹ В донесении тихвинского архимандрита в 1860 г. в Новгородскую консисторию упоминается об этом прошении, причем личность отца Леонида уточняется

³⁸ Описание ... Реконьской пустыни. С. 35, 36.

³⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 6. Д. 22. Л. 17.

ся — «Леонид (Кавелин)».⁴⁰ Далее архимандрит написал, что Шапошников, узнав о слабом здоровье отца Леонида, отклонил его кандидатуру. В истории Оптиной пустыни в XIX в. оставили след два отца Леонида: Л. В. Наголкин (1769—1841 гг.) и Л. А. Кавелин (1822—1891 гг.), будущий известный ученый, настоятель Воскресенского монастыря в Новом Иерусалиме, а потом наместник Троице-Сергиевой лавры. В 1817 г. Шапошников никак не мог знать Леонида Кавелина, а Леонида Наголкина в 1860 г. уже не было в живых. Кого же предлагал в настоятели старец Амфилохий? Представляется, на наш взгляд, единственное решение этой загадки. До прихода в Реконь он мог знать Леонида (Наголкина), который провел молодые годы в таких же скитаниях по монастырям, как и Шапошников, бывал он и на Севере — в Александро-Свирском монастыре, на Валааме. И поэтому в 1817 г. (скорее всего, чуть позже, когда у Шапошникова появилась мысль восстановить монастырь), предлагая кандидатуру настоятеля, Шапошников мог назвать имя хорошо известного ему отца Леонида. Не зная, что Наголкин умер в 1841 г., Амфилохий назвал его снова и в 1860 г. Архимандрит Владимир знал в это время только одного отца Леонида — Кавелина, но повторил вслед за Шапошниковым слова о его слабом здоровье. И в то же время Кавелин еще не был столь известен, и поэтому тихвинский архимандрит не знал точно его возраста. Если признать справедливость этой цепочки предположений, то вероятно, что, родись Шапошников и Наголкин несколькими столетиями раньше, — кто знает, быть может, это были бы другие Зосима и Герман или Кирилл и Феррапонт. XIX век определил им судьбу более скромную — оба стали старцами. Любопытно одно косвенное подтверждение того, что они знали друг друга, и память об Амфилохии, наверное, со слов отца Леонида, передавалась в Оптиной пустыни. В описании библиотеки Реконьской пустыни 1862 г. особо выделены 24 книги, присланные из-под Козельска. Что это, как не напоминание о дружбе двух старцев?

Хотелось бы высказать одну, может быть, даже парадоксальную мысль о старчестве Шапошникова. Если полагать (в соответствии со светской точкой зрения), что старчество есть воскресение личности в монашестве, которую убивал строгий устав, то Амфилохий — яркий тому пример. После долгих скитаний по монастырям он совершил подвиг, подвиг личный — восстановил святую обитель. Но подвизаться в ней, подчинившись настоятелю, уставу, канонам, не смог или не захотел. Тогда он ушел в скит, а потом и совсем в глушь, в пустыню, но остался свободным. Таким образом, с церковной точки зрения отец Амфилохий грешен куда более, чем те миряне, что приходили к нему за советом и наставлением. Этот вывод противоречит всей апологетической литературе и образу смиренного старца в ней.

После 1917 г. образ Шапошникова был подвергнут кардинальной переработке. Выполняя социальный заказ, И. П. Мордвинов (ранее упоминавшийся тихвинский краевед) вынужден был представить старца Амфилохия и историю восстановления Реконьской пустыни в черном цвете. Страницы его книги «Тихвин и Нагорное Обо-

⁴⁰ Там же. Д. 17. Л. 157.

нежье», посвященные монастырю, полны выражений: «беглый эстонец», «масса темных дельцов и бродяг, почуявших наживу», «пьянство со скандалами и преступлениями», «недостойная комедия», «бродячие бабы» и т. п. Трагедия исследователя состояла в том, что, собрав в предреволюционные годы в монастырских и церковных архивах громадную подборку документов, он должен был подать историю Обонежских погостов в духе антицерковной пропаганды журнала «Безбожник». При сравнении первых глав книги, напечатанных еще в 1914 г. в журнале «Тихвинец», с текстом, вышедшим в 1925 г., становится понятным, что подвалы тихвинской ЧК, в которых побывал в качестве заложника И. П. Мордвинов, оказали свое убедительное воздействие (автор настоящей статьи ни в коем случае не упрекает его). Показать всесторонне и объективно монастырскую жизнь Мордвинов уже не мог. Поэтому он преувеличил и показал по всем законам гротеска некоторые неприглядные факты из повседневной жизни пустыни. Но даже они, снижающие на первый взгляд поэтический образ старца и роняющие его авторитет, могут быть истолкованы не столь жестко, как этого требовала антирелигиозная пропаганда.

В августе 1862 г. тихвинский архимандрит писал: «...старец, несмотря на получаемую еженедельно бутылку водки, покупает и сам довольно. ... нетрезвость его ... замечается и окрестными жителями, которые в настоящее время к нему и к его святости [пока не теряют] уважения».⁴¹ Не оспаривая этого факта, следует вспомнить другие замечания архимандрита о Шапошникове, сделанные в 1855 и 1857 гг.: «...ведет жизнь чисто отшельническую», «девяностолетний старик-крестьянин, пользующийся уважением и доверием прихожан за строгую его жизнь».⁴² Все три наблюдения сделаны были архимандритом Владимиром после личных встреч, с той только разницей, что августовское 1862 г. записано во время конфликта Амфилохия с настоятелем отцом Даниилом, когда в рапорте Новгородскому митрополиту тихвинский иерарх должен был представить старца с наихудшей стороны. Самой же любопытной является оценка Шапошникова соседним помещиком, выступившим здесь в роли третейского судьи: «В старце существуют слабости ... Что делать, если он не совсем святой и кушает чару зелена вина, может быть, для того, чтобы поддержать старческие силы».⁴³

Таковы оценки старца Амфилохия в житийной апологетической литературе и в архивных документах. Первоисточники частично подтвердили их, частично же показали старца более земным, но куда более интересным человеком.

В конце 1860-х годов в пустыни насчитывалось до 50 человек монахов и послушников. Братией исполнялось по хозяйству все, вплоть до стирки белья и доения коров. Женщины в пустынь не допускались. Опасаясь соблазна, особенно для молодых послушников, настоятель вынужден был лишать мясной пищи даже в скоромные дни рабочих, периодически нанимаемых для строительства. Как нештатный общежительный монастырь пустынь никаких средств от Казны

⁴¹ Там же. Д. 22. Л. 22 об.

⁴² Там же. Д. 17. Л. 105 об., 108.

⁴³ Там же. Д. 20. Л. 86 об.

не получала, имея доход лишь с капитала, полученного при восстановлении, вознаграждения за требы и пожертвования. Питалась брания со своих огородов, монастырской запашки и молочного хозяйства. Была пасека. Указом Новгородской консистории от 26 июня 1864 г. отец Даниил за успешное восстановление монастыря был возведен в сан игумена.⁴⁴ Не все было гладко в жизни пустыни. Сохранились многочисленные документы и тяжбы по завещанному имуществу В. А. Светловского, свидетельства о спорах с соседним помещиком, забившим всю реку сплавляемым лесом, и др. Монастырь как новый собственник нарушал интересы окрестных владельцев, что приводило к конфликтам. Засушливым летом 1868 г. в пустыни был пожар. Огонь уничтожил часть хозяйственных построек. Чудом удалось отстоять храмы и кельи. Следствием этого было решение возводить монастырь в камне.

Еще в 1860 г., сразу после восстановления монастыря, встал вопрос о его будущем: останется ли он небольшой, деревянной пустынькой в глухих лесах, или в нем развернется со временем каменное строительство. В донесении в Тихвинское духовное правление архимандрит Владимир обстоятельно перечислил указания Шапошникова: где и сколько можно произвести кирпича, где залежи глины, песка, камня, кто из ближних помещиков может помочь производством извести и т. д. В течение года после пожара были построены две печи для обжига кирпича, подвезены песок и бутовый камень. Настоятель Боровичского Свято-Духова Иаковлевского монастыря архимандрит Василий рекомендовал игумену Даниилу подрядчика Михаила Васильевича Иголкина как толкового мастера, за три года поставившего каменную церковь в его монастыре. Проектировать соборный храм игумен Даниил решил поручить одному из столичных зодчих. Осенью 1869 г. он поехал в Петербург и предложил построить собор и колокольню архитектору М. А. Щурупову.⁴⁵ Причиной, по которой отец Даниил пригласил его в Реконь, являлась скорее всего та, что, бывая часто в столице по хлопотным монастырским делам и останавливаясь, естественно, на родном для него Валаамском подворье на Калашниковской набережной, игумен мог не заинтересоваться автором-строителем церкви Бориса и Глеба. Закладка и начало ее строительства на берегу Невы, напротив подворья, как раз и совпали с моментом поиска архитектора. В декабре 1869 г. М. А. Щурупов приехал в Реконь ознакомиться с местностью и частично заготовленными материалами. Результат их освидетельствования был очень важен. Если бы здешний кирпич не пошел в дело, то возмозможность всего строительства ставилась бы под вопрос, так как деньги, выданные под восстановление пустыни, были к этому времени почти полностью израсходованы и игумен мог надеяться только на свои силы и неожиданных благодетелей. Настаивая на скорейшем начале работ, отец Даниил писал в новгород-

⁴⁴ Там же. Д. 23. Л. 2.

⁴⁵ Михаил Арефьевич Щурупов (1815—1901) — петербургский зодчий второй половины XIX в., специализировался в основном в области церковной архитектуры, профессор, академик; наиболее известные постройки — церкви Бориса и Глеба, Смоленской Божией Матери, Крестовоздвиженская в Петербурге, храмы Реконьской пустыни и Леушинского монастыря в Новгородской губернии, собор Воскресения Христова в Токио.

Академик архитектуры М. А. Шурупов (1815—1901 гг.).
С фотографии второй половины XIX в.

скую консисторию: «...хотя имеется в обители денег далеко не достаточное количество ... но уже приобретены кирпич, булыжный камень и часть извести».⁴⁶ Признание М. А. Шуруповым материалов как доброкачественных положило конец всем сомнениям, работу можно было начинать.

В январе 1870 г. проекты пятиглавого однопрестольного собора и колокольни были готовы. 13 марта они были подписаны в Новгородском губернском правлении, и игумен Даниил получил разрешение от консистории на «построение нового храма ... по утвержденному чертежу с тем, чтобы постройка онаго производилась под наблюдением архитектора».⁴⁷ В пояснительной записке к проекту М. А. Шурупов определил сроки возведения собора и колокольни вчерне: 2 года. 27 апреля им было подписано Условие с настоятелем, в котором зодчий брал на себя ответственность за строительство. В следующий приезд в пустынь весной 1870 г. архитектор руководил земляными подготовительными работами и закладкой фундаментов. Через год, после личного освидетельствования их прочности,

⁴⁶ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф 132. Оп. 6. Д. 26. Л. 5.

⁴⁷ Там же. Л. 5 об.

М. А. Щурупов разрешил приступать к кирпичной кладке стен подвального этажа. В течение нескольких лет строительства архитектор периодически приезжал в Реконь для присмотра за его ходом, чаще всего в самые ответственные моменты: закладка фундамента, выведение сводов подвалов, возведение куполов. Летом 1871 г. работы на стройке были приостановлены, так как у благочинного, тихвинского архимандрита, возникли сомнения в прочности кладки. Была создана комиссия с участием епархиального архитектора, не обнаружившая, однако, ничего опасного для возводимого храма. Непредвиденные задержки создали ряд сложностей игумену, который написал об этом благочинному: «...благотворители, помогающие средствами, не любят излишнюю канцелярскую волокиту, а на них одних только и надеюсь».⁴⁸ В августе 1871 г. неожиданно умер подрядчик М. В. Иголкин. Новый договор был заключен с его сыновьями Василием и Николаем, которые давно уже работали рядом с отцом и стали опытными мастерами. К осени 1873 г. собор был вчерне построен. Безусловно, главную роль в успешном завершении работ сыграл настоятель пустыни отец Даниил. 10 сентября М. А. Щурупов послал игумену письмо с благодарностью за возможность участвовать в «построении ... храма для процветания слова Божьего в отдаленной местности». В письме зодчий восхищается столь быстрым окончанием строительства «в глухой лесистой местности без всякого водяного и с весьма трудным сухопутным сообщением»,⁴⁹ и отдает должное энергии, опыту и распорядительности настоятеля, обеспечившего успех грандиозной стройки.

Одновременно с проектом собора М. А. Щуруповым были подготовлены и чертежи каменной колокольни, стоящей «отдельно от церкви в стене монастырской ограды с двумя сторожками, о трех ярусах для звона колоколов и нижнего яруса со Святыми воротами».⁵⁰ Возведение ее началось весной 1873 г., и так как строительство собора к тому времени близилось к завершению, то кладка колокольни продвигалась быстро, а работы были кончены к ноябрю того же года. Зимой водрузили кресты над пятью маленькими главками, венчавшими шатер, и, как писалось в отчете в консисторию, «уже производится звон: праздничный, колоколами четвертого яруса, и повседневный, колоколами третьего яруса».⁵¹

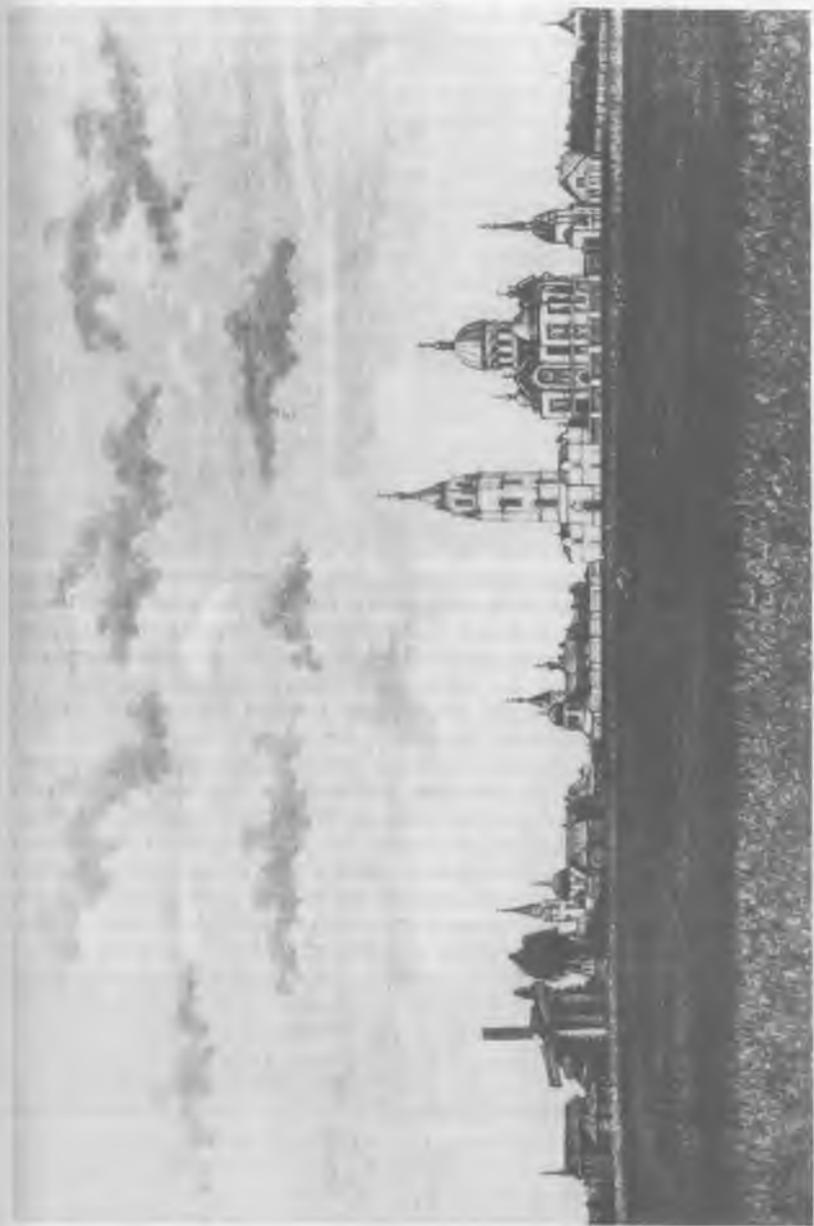
В 1874 г. М. А. Щурупов составил проект каменной одноглавой церкви, которую предполагалось возвести на левом берегу Реконьки, рядом с древней деревянной Троицкой, над могилой старца Амфилохия. Первоначально построенная небольшая деревянная часовня не удовлетворяла игумена, да и для создания полновзвучного ансамбля требовалось уравновесить левый берег реки постройками, гармонично связанными с главным комплексом монастыря. Были спроектированы также каменная ограда с башнями, сторожка и Святые ворота, предварающие въезд в монастырь со стороны Тихвина. Все это сооружалось на средства двух новолодожских купцов — почетных граждан Т. Ф. Луковицкого и Н. Ф. Кулагина, не в первый раз

⁴⁸ Там же. Л. 14 об.

⁴⁹ Там же. Д. 20. Л. 58, 58 об.

⁵⁰ Там же. Д. 26. Л. 1 об.

⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 640. Л. 12 об.

Вид монастыря в конце XIX—начале XX в.
С современной травюры.

уже дававших деньги на церкви Новой Ладogi и Тихвина. Земляные работы были начаты в ноябре 1874 г., к 1877 г. церковь вчерне была закончена, тогда же возвели часть ограды со Святыми воротами.

В течение 1876—1877 гг. в соборе были установлены иконостас и киоты для икон (все по рисункам М. А. Щурупова) работы петербургской мастерской И. Д. Савельева. 21 июля 1877 г. главный храм обители при громадном стечении народа из всех окрестных деревень, Тихвина, Новгорода, почитателей Реконьской пустыни из Петербурга был торжественно освящен во имя Святой Троицы. В продолжение двух последующих лет была завершена постройка кладбищенской церкви, построены новый каменный настоятельский корпус, новые братские кельи, целый ряд хозяйственных служб. Таким образом, после освящения 25 февраля 1879 г. церкви на кладбище во имя Покрова Пресвятой Богородицы строительство монастыря было благополучно завершено.

Комплекс Реконьской пустыни был спроектирован в типичном для церковного зодчества середины—второй половины XIX в. эклектичном русско-византийском стиле. Естественно, что М. А. Щурупов, сложившийся к тому времени архитектор, привнес в проект особенности, характерные для его творчества, а именно активное использование элементов романского стиля. Троицкий собор был построен по схеме соборных храмов — крестовокупольным, венчаемым пятью главами: центральной, световой, и боковыми декоративными, значительно меньшими по высоте глухими восьмигранниками. Высокие парные полуциркульные окна опоясывают в два ряда весь собор. В тех местах, где они были не нужны конструктивно, архитектор «нарисовал» ложные. Большое количество окон не только скрыло вес кладки, но и создало необычный для монастырских храмов внутренний облик: все обширное подкупольное пространство оказывается заполненным воздухом, светом, который падает сверху через громадные окна барабана, пронизывает собор со всех сторон, не оставляя ни одного темного уголка. Во внешнем оформлении собор является типичным примером зрелой эклектики 1870-х годов, когда архитекторы насыщали фасады зданий декором самых различных стилей. Следуя этому, М. А. Щурупов сочетает на стенах храма романский аркатурный пояс с новгородским поребриком, русские кокошники с романским же окном-розой, парные ренессансные окна с псевдорусскими трехлопастными киотами. Однако главным украшением фасадов собора стал цвет. Зодчий смело использовал большие и малые, ярко и контрастно раскрашенные плоскости. Особенно выразительны белые килевидные дуги, идущие по красному кирпичу, белые карниз и лопатки. М. А. Щурупов раскрасил не только ложные окна, но и колонки, килевидные завершения порталов, обрамления киотов и другие детали. Эта удивительная декоративность роднит собор, несмотря на его классическую симметрию и эклектическое смешение стилей, с нарядными храмами допетровской России больше, чем перегруженные типичными русскими орнаментами многие церкви того времени.

Проект колокольни близок к демократическому (так называемому горностаевскому) направлению русско-византийского стиля, в котором архитекторы пытались проникнуться самим духом древнерусского зодчества, а не только внешним ему подражанием. Облик

Троицкий собор. Вид с северо-запада.
Фото автора. Снимок 1986 г.

Вид на монастырь с запада.
Фото автора. Снимок 1989 г.

реконьской колокольни основан на глубоком изучении средневековой архитектуры Русского Севера: суровых и монументальных крепостных башен и монастырских звонниц. Фасады колокольни не перегружены декором, он скуп и лаконичен. Мощный четырехгранный столп колокольни с проемом Святых ворот внизу и тремя ярусами звона высится над пустыней. М. А. Шурупов завершил четверик небольшим восьмигранником с шатром и, добавив маленькие главки по бокам его, создал выразительный четкий силуэт, очень пропорциональный и стройный. Колокольня запоминается контрастом сопоставления объемов: мощного основания и изящного, хорошо прорисованного завершения. Колокольня стоит чуть в стороне от собора, подчеркивая его величественность своей монументальностью и в то же время перекликается с ним своим пятиглавием, хотя и миниатюрным. Одновременно она вносит необходимый контраст в цветовую гамму ансамбля, противопоставляя ярким краскам собора свою белизну.

Место, назначение и соседство с древней, теперь кладбищенской Троицкой церковью диктовали определенную строгость третьей постройки М. А. Шурупова — Покровской церкви. Группа вековых елей, старинные могилы, отгороженность рекой и стенами от главной части монастыря создавали замкнутое, уединенное пространство, атмосферу скорби и безмолвия. Стены храма почти лишены орнамента, зодчий использовал в основном элементы византийского стиля. В то же время церковь соразмерна и с древней Троицкой, и с человеком, а своей остроконечной колокольней перекликается с главной звонницей монастыря. Внутри храма глухой барабан и узкие тройные окна дают полумрак. Зодчий добился у входящего ощущения церкви-успальницы, церкви-гробницы, крипты — подземного храма древних христиан, подвижников и мучеников. Интерьер как бы служил иллюстрацией к истории старца, похороненного здесь.

Последними постройками в пустыни были стены и башни, монастырские корпуса и, наконец двое Святых ворот, стоявших чуть в стороне от стен обители — там, где брали начало две дороги: одна в Тихвин, а другая через болото — к скиту старца и дальше на Новгород. М. А. Шурупов придумал каждой из построек индивидуальный облик, варьируя разные элементы древнерусской архитектуры и цветовой раскраской. Особенно интересны северные Святые ворота, сплошь покрытые каменным узорочьем. Несмотря на длительные архивные поиски, чертежи М. А. Шурупова не были найдены, зато сохранилось несколько рисунков ограды, башен и келий, подписанных В. М. Иголкиным. Все они тщательно выполнены и дают возможность предположить участие и, может быть, даже активное, талантливого мастерового в создании архитектурных проектов. Параллельно с работой в пустыни М. А. Шурупов наблюдал за возведением в Тихвине часовни с подворьем и двумя кельями для Реконьского монастыря. Участок земли был выделен городом безвозмездно. Все дела по передаче земли и организации строительства вел монах Иоасаф, в миру Н. И. Сенковский. Проект был составлен М. А. Шуруповым летом 1873 г. Часовню украшали высокий шатер и четыре барельефа с поясными изображениями евангелистов, вылепленные лично М. А. Шуруповым. Часовня была выстроена в течение 1875 г. и освящена во имя Александра Невского «в память

Святые ворота. Дорога на Тихвин.
Фото автора. Снимок 1986 г.

избавления Государя Императора 4 апреля 1866 года от опасности».⁵²

Комплекс построек Реконьской пустыни интересен прежде всего тем, что он был создан в 1870-е годы, когда традиции ансамблевой архитектуры практически игнорировались. В период зрелой эклектики заказчик и зодчий в основном стремились к выделению собственного сооружения на фоне соседних, не заботясь о композиционной взаимосвязи с ранее сложившейся застройкой. М. А. Щурупову выпала удача проектировать монастырский комплекс «с чистого листа», сообразуясь лишь с задачей вписать его в природный ландшафт. Композици-

⁵² Там же. Оп. 154. Д. 116. Л. 1.

онным центром ансамбля являются, безусловно, величественный собор и колокольня, неразрывно с ним связанная. Южные и северные Святые ворота как бы фланкируют панораму широко раскинувшихся монастырских построек. При обходе пустыни с безлесной западной стороны с разных точек обзора монастырь смотрится по-разному, но обязательно как завершенная, гармоничная композиция. М. А. Щуров расположил постройки так, что для подбегавших со стороны Новгорода доминантой выступал собор, а окружавшие собор башни, кельи, службы и дальняя кладбищенская часть пустыни оттеняли и подчеркивали его монументальность. Совсем другая картина возникла перед зрителем со стороны Тихвина. Ели на кладбище и Покровская церковь заслоняли Троицкий собор, но не колокольню. По мере продвижения вдоль построек пустыни собор открывался во всем своем великолепии. Живописность монастырского ансамбля с любой точки осмотра, композиционная слитность его таких различных по размеру, цвету, стилю сооружений сближает Реконьскую пустынь с пленяющими нас яркой красотой древнерусскими обителями.

В 1883 г. в пустыни скончался настоятель отец Даниил, незадолго перед этим возведенный в сан архимандрита. Его искренне оплакивали не только насельники пустыни, но и многие другие, знавшие, как много сделал он в монастыре. Похоронили отца Даниила в Покровской церкви, рядом с могилой старца, помилив его тем самым с Амфилохием навсегда.

При игумене Павлине в пустыни были проведены большие ремонтные работы в деревянной Троицкой церкви и в соборе, был устроен каменный забор вокруг часовни в Тихвине. В 1891 г. петербургский архитектор Н. Н. Никонов сделал проект переустройства Троицкого собора из холодного в теплый. В 1891 г., после того, как сгорела церковь Сергия и Германа, настоятель начал хлопотать об устройстве в соборе двух приделов и новых иконостасов для них. Помощь пустыни была оказана известным протопресвитером придворного духовенства И. Янышевым, предложившим передать в Реконь иконостасы из двух упраздненных приделов Знаменской церкви Царского Села. Новые престолы были освящены в честь Иоанна Златоуста и Сергия и Германа Валаамских. При игумене Дионисии в 1900 г. сгорел скит — церковь Тихона Задонского и кельи при ней. После сильного пожара сохранилась только каменная ограда из булыжника с железной решеткой, возведенная по периметру холма. Весной на месте пожарища была срублена шестигранная часовня. По причине роста цен, неурожаев и увеличения земских сборов пустынь начала испытывать экономические трудности. В то же время постоянные починки тех или иных монастырских зданий, отчисления на Тихвинское и Боровичское духовные училища, на консисторию, благотворительные учреждения и, наконец, на Полевичскую церковно-приходскую школу привели к тому, что финансовый год стал заканчиваться для пустыни с дефицитом. Денег на восстановление сгоревших церквей не было, наоборот, чтобы сводить концы с концами, монастырь вынужден был начать распродажу недвижимости — лесных дач. Так, игумен Дионисий, заботясь о необходимости ремонтных работ в соборе («рамы ... пришли в состояние такой ветхости, что грозят выпадением»⁵³), просил разрешения у

⁵³ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 5. Д. 5. Л. 404 об.

консистории продавать лес, а через несколько лет были проданы и дальние лесные дачи, не приносявшие монастырю никакого дохода. В 1903 г., жалуясь на нехватку денег, игумен доносил, что не может рукоположить двух иеродиаконов в иеромонахи в Новгороде — на проезд туда не было денег.

После увольнения по состоянию здоровья в сентябре 1903 г. игумена Дионисия было решено назначить настоятелем пустыни иеромонаха Иннокентия, казначея Николо-Беседного монастыря, бывшего послушника Реконьской пустыни, который, как говорилось в рапорте благочинного, «пользуется всеобщим уважением и знает дела монастыря».⁵⁴ Действительно, отцу Иннокентию удалось поправить пошатнувшееся было положение обители: при нем возобновился ремонт ветхих построек, появились и новые хозяйственные корпуса. Игумен Иннокентий неизменно пользовался уважением как в Рекони, так и у новгородского духовного начальства. Несколько раз по болезни благочинного монастырей Тихвинского уезда он назначался исполняющим его обязанности, а в 1917 г. был избран делегатом на епархиальный съезд в Новгород.

После 1917 г. судьба Реконьской пустыни схожа с судьбами многих других монастырей России. Пустынь пытались закрыть, запретив монахам исполнять требы. Затем все движимое и недвижимое имущество было отобрано в организованный в 1918 г. совхоз «Реконь», а братию частично угрозами, частично посулами стали переводить в его работники. Власти заставили образовать при храмах приход, чтобы вслед за этим окончательно ее упразднить. По всей видимости, пустынь противилась. Несколько монахов были арестованы. Не избежал концлагеря и игумен Иннокентий, отсидевший в Череповце в лагере принудительных работ семь месяцев. После возвращения в Реконь ему с трудом удалось наладить в ней церковную жизнь. В рапорте Новгородскому митрополиту Арсению от 3 февраля 1921 г. он писал: «Служба по будням вечерня и обедница, по праздникам всенощное бдение и Литургия — соборне».⁵⁵ Оставались при монастыре тогда настоятель, 2 иеромонаха, 2 иеродиакона и монахи. 26 июля 1919 г. игумен Иннокентий был возведен в сан архимандрита. Самые страшные дни наступили позже — в пятилетку безбожия, 1932—1936 гг., когда оставшихся в живых монахов отвезли в ГПУ, а монастырь разграбили. В 1937 г. был арестован, отвезен в район и расстрелян последний из монахов — престарелый отец Нифонт. В ознаменование разгрома монастыря совхоз «Реконь» был переименован в «Безбожник». После перепахивания тракторами сложной мелиоративной системы поля заболотились, лишенные подлинных хозяев дома стали рушиться, а после Отечественной войны место было заброшено окончательно. Оставил меты на стенах монастыря и 1941 год. Немцы, рвавшиеся к Тихвину, заняли его, но, пробыв там только двое суток, 11 ноября были выбиты частями 92-й стрелковой дивизии. Следы того боя — разрушенный купол собора, рваные раны в кирпичной кладке колокольни. Только чудом не сгорела древняя Троицкая церковь.

⁵⁴ Там же. Д. 25. Л. 107 об.

⁵⁵ ГАОУ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 950. Л. 1.

Печальное зрелище представляет сейчас из себя монастырь. Рухнула часть сводов собора, пышно разрослись кусты и деревья на фундаментах многочисленных монастырских строений. Многие могилы на кладбище разрыты, нет следов и могилы старца. От скита сохранилась только каменная ограда из валунов. К счастью, стоят не разобранные на кирпич в 1930-е годы часть стен, колокольня и Святые ворота. Не тронуты и место, где, по преданию, началась история Реконьской пустыни — гранитный валун на берегу реки с выбитой на нем надписью.

НАСТОЯТЕЛИ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ РЕКОНЬСКОЙ ПУСТЫНИ

Арсений, 1676

Аарон, 1684—1685

Александр 1686

Иоасаф 1717—1733 (по: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877)

Даниил (в миру Дмитрий Попов) (1804—1883 гг.), из мещан. 1846 — послушник, 1849 — монах, пострижен на Валааме, 1852 — иеромонах, 1854 — командирован на флот, в память участия награжден наперсным крестом на Владимирской и медалью на Аннинской лентах, 1860 — настоятель Реконьской пустыни, 1864 — игумен, 1880 — архимандрит

Павлин (из казначеев Реконьской пустыни), 1883—1894 — игумен, перешел в Перекомский монастырь, скончался в Юрьевом монастыре, определенный туда на покой

Феодосий 1894—1898 — игумен

Дионисий (из купеческого сословия, бывший ризничий Тихвинского Успенского монастыря), 1898—1903 — игумен, уволен на покой в Антониево-Дымский монастырь

Иннокентий (бывший послушник Реконьской пустыни), 1903—1919 — игумен, 1919—1920-е годы — архимандрит